

- Сяо Лин, хотя в вашей работе нельзя влюбляться в клиента, - Хэ Цзиньчжао парил в воздухе, слегка наклонившись, чтобы заглянуть в глаза Лин Чэню. Глаза феникса изогнулись в улыбке, в уголках появились очаровательные морщинки. - Но ведь нет правила, запрещающего клиенту влюбиться в тебя?

Эти слова, словно тугой снежок, угодили прямо в сердце Лин Чэня, застав его врасплох.

Человек, слепивший этот снежок, был мягкосердечен и специально сделал его рыхлым, поэтому, даже когда снежок попал в Лин Чэня, тот не почувствовал боли, а лишь увидел, как снежок рассыпался, едва коснувшись его тела, оставив на груди едва заметный след.

Достаточно было слегка отряхнуть, и след исчезнет.

Но Лин Чэнь не мог это сделать.

Глаза Хэ Цзиньчжао были чисты, как черный нефрит. Лин Чэнь посмотрел в них и, приоткрыв губы, собрался что-то сказать:

- Я...

- Учитель Лин, не мог бы ты помочь мне подняться? - Как раз в этот момент сзади раздался неуместный голос, прервавший атмосферу недосказанности между ними. - Здесь слишком скользко, я не могу встать!

Лин Чэнь:

- ...

Хэ Цзиньчжао:

- ...

Они посмотрели в сторону голоса и увидели, что Го-цзы полулежит в снегу, держась за поясицу, и стонет.

Только что слова Лин Чэня так напугали Го-цзы, что он поскользнулся и теперь не мог подняться. Лин Чэнь не мог остаться в стороне, ему пришлось подойти и помочь Го-цзы. К счастью, Го-цзы был худым и на полголовы ниже Лин Чэня, иначе Лин Чэнь одной рукой никак бы не смог вытащить взрослого мужчину из снега.

Го-цзы потянул поясицу, и оставшийся путь он шел, прихрамывая.

Эта бамбуковая деревня была заново построена съемочной группой на месте заброшенной горной деревни. Деревня с трех сторон была окружена горами, а позади рос бамбуковый лес, где, по слухам, водятся дикие звери.

Лин Чэнь посмотрел в сторону бамбукового леса, зная, что именно там Лао Ли упал со скалы. Сейчас это место тоже было покрыто толстым слоем снега. Снегопад был сильным, а погода в горах менялась в мгновение ока: еще вчера вечером небо было безоблачным, а сегодня все было белоснежным.

- Родственники Лао Ли уже приехали в город, - сказал Го-цзы, идя впереди. - Но из-за сильного снегопада дорога заблокирована, и они пока не могут проехать. Учитель Лин, вы можете работать не торопясь. Только, пожалуйста, сделайте все тщательно, чтобы Лао Ли... Чтобы Лао Ли ушел с достоинством, - он сказал с ноткой грусти в голосе: - Лао Ли был очень хорошим человеком, молчаливым, не лез в чужие дела. В нескольких группах, с которыми я работал раньше, были вспыльчивые каскадеры, которые любили курить и пить, даже драться. Лао Ли не такой, как они. Обычно он молчал, никогда не создавал проблем, и кроме любви к игре «Дин Эр Хун» у него не было других увлечений.

Лин Чэнь спросил:

- Что такое «Дин Эр Хун»?

- Какая-то карточная игра, наверное, местное диалектное название, - ответил Го-цзы. - Съемочная группа обосновалась в этой местности, и кроме съемок им больше нечем заняться. Актеры-каскадеры много путешествуют по стране, знают много развлечений, и как только заканчиваются съемки, они собираются, чтобы поиграть в карты и скоротать время.

Услышав это, стоявший рядом Хэ Цзиньчжао сразу нахмурился:

- Собираются, чтобы вместе играть в карты? В этой съемочной группе такая атмосфера, а режиссер это позволяет?

Лин Чэнь бросил недоуменный взгляд на Хэ Цзиньчжао.

Поскольку Го-цзы все равно не мог слышать, Хэ Цзиньчжао объяснил:

- Ты думаешь, что когда они говорят об игре в карты, то имеют в виду просто развлечение и отдых? Там все с дополнительными очками и бонусами, одна партия стоит от нескольких сотен до нескольких тысяч, и выиграть или проиграть за вечер несколько десятков тысяч - вполне обычное дело.

Проще говоря, они играли на деньги.

Лин Чэнь повернулся к Го-цзы и осторожно спросил:

- А ты тоже играешь?

- Я? Я не могу, - Го-цзы энергично покачал головой. - У них очень сложные правила. Я посмотрел несколько партий - там какие-то «небесные карты», «земные карты», «человеческие карты». В такую сложную игру могут играть только умные люди, я в этом ничего не понимаю.

Игра с «небесными», «земными» и «человеческими» картами - это действительно непростая игра.

Они шли и разговаривали, и наконец подошли к неприметной хижине за пределами деревни. Место находилось вдали от основной съемочной площадки, и изначально служило складом для хлама, но после того, как случился несчастный случай с Лао Ли, его временно использовали в качестве морга.

Они дошли до двери, и Го-цзы ни за что не хотел заходить внутрь. Он пробормотал:

- Учитель Лин, я... э-э... Режиссер сказал мне быстрее вернуться.

Обычный человек и так испугался бы трупа, не говоря уже о том, что Лао Ли погиб на глазах у всех, и его смерть была ужасной. У Го-цзы просто не было мужества взглянуть на него еще раз.

Лин Чэнь не стал его удерживать, взял косметичку из рук Го-цзы и проводил взглядом, как тот стремительно убегает. Он бежал так быстро, что снова упал лицом вниз, но на этот раз Го-цзы не попросил Лин Чэня поднять его, а поднялся сам, ползя на четвереньках, выглядя при этом крайне нелепо.

Лин Чэнь недоумевал:

- Ведь они были коллегами, проводившими вместе все время, даже если тот мертв, почему он так боится?

Хэ Цзиньчжао ответил:

- Возможно, из-за угрызений совести.

Молодой человек собрался с мыслями, повесил на плечо косметичку, которую другие визажисты собрали для него, и распахнул закрытую много дней дверь.

В тот момент, когда он разглядел обстановку в комнате, Лин Чэнь не сдержался и выругался.

Комната оказалась неожиданно пустой, все вещи были вынесены, и в центре остался только одиноко стоящий холодильник.

Да, именно холодильник.

Белый, с открывающейся сверху крышкой, самый обычный, какой можно увидеть в мясной лавке. Огромный холодильный шкаф.

Не специальный холодильник для хранения тел, а обычный холодильник для хранения мяса.

Лин Чэнь вспомнил обильный завтрак с рыбой и мясом, и почувствовал приступ тошноты. Съёмочная группа освободила холодильник для хранения тела, а лишнее мясо, чтобы не испортилось, пришлось использовать в качестве дополнительных блюд.

Человек, некогда полная жизни личность, каскадер, продемонстрировавший в съёмочной группе выдающееся мастерство, в конце концов нашел пристанище в обычном холодильнике.

Лин Чэнь подошел к холодильнику и поднял тяжелую крышку. Хотя он был морально готов, все равно на душе стало тяжело.

Искореженное, окровавленное тело Лао Ли лежало в холодильнике. Даже мешка для трупов не было, только тонкая простыня, которая уже примерзла к его плоти.

На нем все еще был костюм каскадера, который должен был выглядеть мужественно и героически, но теперь был весь в крови. На него было невыносимо смотреть.

Половина черепа была полностью вдавлена, лицо сильно деформировано, на груди, талии и животе были раны, из которых еще торчали куски бамбука. Вдобавок сломанные руки и ноги... Его глаза были широко раскрыты, глазные яблоки высохли и помутнели, словно беззвучно обвиняя кого-то.

Хэ Цзиньчжао никогда не видел ничего подобного. Он взглянул один раз, и сердце его сжалось. Он не осмелился смотреть дальше и поспешно отлетел на несколько шагов, с трудом подавляя рвотный рефлекс.

Лин Чэнь, надевая на себя несколько слоев масок и перчаток, сказал ему:

- Если тебе плохо, иди и подожди меня снаружи.

Хэ Цзиньчжао, бледный, покачал головой:

- В этой съемочной группе повсюду что-то не так, я не могу оставить тебя одного.

Раньше во время работы Лин Чэнь, заботясь о приватности умерших, не позволял Хэ Цзиньчжао присутствовать рядом, но в этот раз все было иначе. Как только Лин Чэнь вошел в этот импровизированный морг, Сяо Чайчай-вань, спрятанный у него на груди, начал беспокойно шевелиться, предупреждая, что здесь что-то не так.

В такой ситуации Хэ Цзиньчжао, конечно же, не мог оставить Лин Чэня одного.

С помощью Хэ Цзиньчжао Лин Чэнь достал тело Лао Ли из холодильника и перенес его на стоявший в стороне длинный стол. Всю остальную работу он должен был сделать сам.

К счастью, раньше он имел дело с травмами, гораздо более серьезными, чем эта. Сначала он внимательно осмотрел тело Лао Ли, а затем, сравнив его с фотографиями, предоставленными съемочной группой, примерно определил в уме, как восстановить его изувеченные останки.

Лин Чэнь понимал, что это будет «крупный проект», и, скорее всего, до тех пор, пока не прекратится снег и не возобновится движение, ему придется посвятить этому все свое время.

Приступив к работе, Лин Чэнь всегда полностью погружался в нее и совершенно не замечал, как летит время.

Обед к двери принес лично Го-цзы - как обычно, обильные блюда из рыбы и мяса. Лин Чэнь ел и думал: холодильник, в котором хранилось все это мясо, теперь стал местом упокоения Лао Ли. Интересно, знают ли об этом остальные члены съемочной группы?

Так Лин Чэнь трудился до заката. Хэ Цзиньчжао все это время не отходил от него ни на шаг.

Они снова поместили тело Лао Ли в холодильник, а косметичку оставили здесь - в любом случае, вряд ли найдется кто-то настолько глупый, чтобы приходить сюда воровать.

- Пора отдохнуть, - сказал Хэ Цзиньчжао. - Я только что вышел на улицу, съемочная группа снимает на природе у входа в деревню. Хочешь пойти посмотреть?

Лин Чэнь как раз хотел отдохнуть, поэтому кивнул, плотнее закутался в куртку и вышел.

Снег прекратился еще в полдень, и после выхода солнца он частично растаял. Тропинка, сначала белоснежная, превратилась в грязное месиво, а затем покрылась ледяной коркой.

На пустыре за деревней режиссер и исполнитель главной роли Е Чжэнь сидели за монитором и просматривали только что отснятые кадры.

В этой сцене главный герой, случайно попав в эту уединенную бамбуковую деревню, обнаруживает, что все жители - это остатки прежней династии, мечтающие о восстановлении власти. Он решает уйти, но жители деревни объединяются и подсыпают ему в еду яд. В конце концов он в одиночку пробивается через окружение, вырывается из деревни с мечом в руках. Кровь с острия его меча капает на снег, и этот след тянется от деревни до ее окраины.

Это была кульминационная сцена фильма. Из-за внезапно выпавшего утром снега режиссер принял решение немедленно приступить к съемкам.

Ради этой захватывающей боевой сцены все каскадеры съемочной группы переоделись в костюмы, а на рукавах и груди у них были пятна искусственной крови - все они были в грязи и пыли. Пока режиссер обсуждал с главным актером детали сцены, они все собрались под карнизом соседнего дома, курили и болтали.

- У кого сегодня собираемся сыграть пару партий?

- Да какое тут играть? С тех пор, как случился инцидент с Лао Ли, руководитель группы не разрешает нам собираться после съемок.

- Пф, он только на словах так говорит! Ты думаешь, зачем он раз в два дня бегает в дом режиссера, и зовет с собой сценариста и оператора?

- Разве не для того, чтобы обсудить сценарий?

- Ты просто дебил! Какой, блядь, сценарий обсудить?

- Кого ты дебилем назвал?

- Ладно, ладно, хватит уже. Такой холод, лучше потратьте энергию не на ссоры, а на то, чтобы подумать, что будем есть на ужин.

- Смотрите, там кто-то идет?

- Да кто там может идти? Тут же глушь, ты, наверное, ошибся...

Недосказанные слова внезапно застряли в горле.

В вечерних сумерках одинокая фигура шла по снегу, приближаясь к ним.

Все узнали его - сегодня утром этот молодой человек подошел к столу режиссера и открыто заявил, что он танатокосметолог и пришел проводить Лао Ли в последний путь.

Эти каскадеры выполняли самую опасную работу в съемочной группе, поэтому, естественно, были более суеверны, чем обычные люди. Они избегали разговоров о смерти, но в то же время испытывали к ним особое благоговение.

Когда с Лао Ли произошел несчастный случай, все каскадеры были на месте. Руководитель группы первым бросился к нему и изо всех сил звал на помощь, но Лао Ли был слишком тяжело ранен: он не мог произнести ни слова, половина его черепа была раздроблена, изо рта хлестала кровь. Не дождавшись прибытия врачей, Лао Ли умер...

Одно только воспоминание об этой ужасающей сцене заставляло всех дрожать от страха. В ту ночь многие не спали, а еще больше людей собрались вместе, не разговаривая, а только молча пили.

Говорили, что съемочная группа решила выплатить семье Лао Ли восемьсот тысяч, ни больше, ни меньше - это считается «стандартной ценой» в их отрасли. Лао Ли не был женат и не имел детей, дома остались только его родители. Хватит ли этих восьмисот тысяч плюс его сбережений на их старость?

Никто не знал, где съемочная группа хранит тело Лао Ли. А, возможно, просто делали вид, что не знают.

Такова работа в съемочной группе. Это как жестокий дикий мир, в котором действуют свои законы джунглей.

Лин Чэнь остро почувствовал на себе взгляды окружающих, но ему было все равно. Он плотнее закутался в куртку и подошел к съемочной группе, которая как раз снимала сцену.

Го-цзы, как всегда, был начеку. Боясь, что тот снова скажет что-нибудь шокирующее, он поспешил к нему и остановил:

- Учитель Лин, что вы здесь делаете?

Лин Чэнь сказал:

- Я никогда не видел, как снимают кино. Разве нельзя просто посмотреть?

- Э-э... Э-э..., - Го-цзы не знал, что ответить. Он бросил взгляд в сторону режиссера и главного актера, а затем осторожно спросил: - Вы уже закончили?

Лин Чэнь покачал головой:

- Разве не ты говорил мне не торопиться и сделать все тщательно? Лао Ли получил тяжелые

травмы, понадобится еще как минимум два дня.

Говоря это, Лин Чэнь снова направился к месту съемок.

Го-цзы хотел удержать его, но, едва он коснулся Лин Чэня, он вдруг о чем-то вспомнил и резко отдернул руку.

Лин Чэнь понял, что Го-цзы считает его «грязным», но сам он считал себя очень чистым, по крайней мере, гораздо чище, чем люди здесь.

Раз съемочная группа не рада его присутствию, Лин Чэнь не стал к ним приближаться.

- Солнце уже садится, в столовой есть ужин? - спросил Лин Чэнь. - Если я пойду сейчас, там будет что поесть?

- Есть, есть, есть! - Поспешно ответил Го-цзы. - Повар, наверное, уже разжег огонь и начал готовить. Если вам что-то не понравится, повар приготовит для вас что-нибудь отдельно!

- Не надо ничего особенного, - ответил Лин Чэнь. - Сегодня я не хочу больше мяса, хочу только тарелку лапши с овощами.

Когда запись развлекательного шоу закончилась, на ночном небе уже сияли звезды. Когда Нин Вэй вышел из здания телецентра, фанаты, которые до этого сидели на земле, измученные усталостью, тут же вскочили на ноги, размахивая плакатами и выкрикивая его имя.

Сегодня Нин Вэй снимался в развлекательной программе на одном из провинциальных каналов, и фанаты ждали его у здания ровно столько, сколько длилась съемка. В последнее время дул сильный ветер, похолодало, и говорили, что в некоторых местах уже выпал снег. Хотя они были на юге, температура здесь тоже резко упала на десяток градусов. Некоторые юные фанатки не приготовили достаточно теплых вещей и плакали от холода, но ни одна из них не отступила, решив остаться здесь, чтобы увидеть своего любимого кумира.

В этом пронизывающем осеннем ветре Нин Вэй был одет в строгое шерстяное пальто, под которым был тонкий свитер с высоким воротником - было тепло, и выглядело элегантно. Кроме того, он надел кожаные перчатки, придававшие образу дополнительный шарм.

Фанаты сначала думали, что он сразу сядет в машину и уедет, но неожиданно он направился прямо через дорогу, к своим «маленьким тростинкам»!

- Нин-Нин!!

- Нин-Нин, мама тебя любит!!

- Нин-Нин, ешь побольше, не худей дальше!!

Фанаты пришли в восторг. Щелчки камер слились в один непрерывный звук. Бесчисленные мобильные телефоны были высоко подняты, чтобы запечатлеть каждое движение Нин Вэя.

Нин Вэй подошел прямо к фанаткам в первом ряду, под восторженные возгласы всех принял от них телефон, повернулся и сделал групповое селфи, затем направился в другую сторону, чтобы дать автографы.

Одна девушка с нетерпением пробивалась вперед, держа в руках вставленный в рамку набросок, и отчаянно протягивала его Нин Вэю:

- Нин-Нин, это я нарисовала для тебя!

Нин Вэй с восторгом принял рисунок, но его лицевые мышцы, в которые недавно вкололи инъекции, не слушались, и улыбка получилась скованной:

- Очень хорошо нарисовано, спасибо.

Нин Вэй хотел поболтать с фанатами еще немного, но его агент напомнил ему, что, если он задержится еще на минуту, то опоздает на самолет. Не имея выбора, Нин Вэй мог только помахать фанатам на прощание, а затем, неся тяжелую рамку с портретом, направился к своей машине.

Хотя он пообщался с фанатами менее пяти минут, «маленькие тростинки» все равно считали, что эти пять минут тепла стоили пяти часов ожидания на холодном ветру.

Нин Вэй сел в минивэн, двери медленно закрылись, черные тонированные стекла поднялись, отгородив салон от всех внешних шумов.

В ту же секунду, как окна закрылись, молодой человек, который только что улыбался и общался с фанатами, мгновенно изменился в лице и тут же швырнул портрет на пол.

Он холодно посмотрел на своего агента и отругал его:

- Как ты можешь быть таким непонятливым? Заставляешь меня самому нести эту тяжелую хрень, зачем тогда нужен такой агент, как ты?

Агент терпеливо выслушал ругань и, когда тот выговорился, сказал:

- Тогда я положу его в багажник.

- Куда ты его положишь? Как только остановимся, найди мусорный бак и выброси его, - резко сказал Нин Вэй. - Кошмар! Подарить черно-белый портрет, да еще и в черной рамке. Это что, проклятие, чтобы я поскорее сдох? Тошнит от него, выкинь его подальше!

-

Едва Нин Вэй закончил говорить, как с заднего сиденья раздался искаженный смех:

- Нин-Нин, у тебя характер как у капризного молодого господина, не боишься напугать фанатов?

От знакомого голоса у Нин Вэя мгновенно волосы встали дыбом. Он резко обернулся и только тогда заметил, что в углу последнего ряда минивэна сидит еще одна фигура!

В глазах других это был элегантно одетый мужчина средних лет. Но в глазах Нин Вэя это был бесформенный комок грязи, втиснутый в костюм ручной работы.

Из-под полы брюк и манжет рукавов растекалась черная грязь. Лицо без черт повернулось к Нин Вэю и с улыбкой произнесло:

- Чего же ты стоишь? Садись ко мне, пусть дядя Фэн хорошенько тебя рассмотрит.

- ... Директор Фэн, почему вы приехали? - Нин Вэй с трудом выжал из себя улыбку. Он не мог сопротивляться и, скрепя сердце, сел рядом.

Агент и водитель притворились глухонемыми и даже подняли перегородку, превратив заднюю часть машины в абсолютно уединенное пространство.

Этот комок грязи в костюме двусмысленно обхватил лодыжку Нин Вэя, а затем пополз вверх по ноге.

Нин Вэй был совершенно неспособен сопротивляться, его тело словно онемело, он не мог пошевелиться, у него не хватало сил даже на то, чтобы моргнуть.

Он мог только беспомощно наблюдать, как грязь медленно обволакивает его, ползет по всему телу, пока не поглотила его руки.

Левая рука Нин Вэя похолодела - кожаная перчатка, которая была на ней, сползла, обнажив изнеженную руку.

Правда, на ладони Нин Вэй была свежая рана, пересекающая всю ладонь. На первый взгляд она походила на ожог, но при ближайшем рассмотрении было видно, что это порез.

Рана покраснела, опухла и гноилась, но не была обработана, Нин Вэй только натянул перчатку, чтобы наспех ее скрыть.

- Ты такой нетерпеливый ребенок, - грязь небрежно тыкала в рану на его ладони и неторопливо произнесла: - Я же говорил, что нужно доверять дяде Фэну. Почему ты сам к нему полез и позволил так с собой обращаться?

Нин Вэй с трудом выжал улыбку:

- ... Директор Фэн, я просто хотел проверить того парня Лин Чэня...

- И каков результат твоей проверки? - Спросила грязь. - Узнал, как он связан с Хэ Цзиньчжао?

Нин Вэй стиснул зубы:

- Нет.

Прошлой ночью он с помощью черной магии проник в сон Лин Чэня, создав наиболее знакомую ему обстановку - морг в похоронном бюро - а затем спрятался в гробу, намереваясь затащить Лин Чэня прямо в гроб и убить его.

Но по какой-то причине, когда он уже был близок к успеху, Лин Чэнь внезапно проснулся! В тот момент мизинец правой руки Лин Чэня вдруг стал невероятно горячим, и Нин Вэй получил ожог!

Когда Нин Вэй пришел в себя, он с ужасом обнаружил, что посередине его ладони проходит рана. Рана была длинной и прямой, словно от нити... Но прошлой ночью Нин Вэй точно не видел никакой нити на руке Лин Чэня.

- Если хочешь узнать о его связи с Хэ Цзиньчжао, лучше спроси у меня, - сказала грязь.

Нин Вэй затаил дыхание в ожидании.

Лишенное черт лицо грязи повернулось к нему:

- По результатам моего расследования, после смерти Хэ Цзиньчжао тайно доставили в похоронное бюро, где работает Лин Чэнь.

Нин Вэй не ожидал, что связь между ними была такой.

- Неужели... Лин Чэнь и Хэ Цзиньчжао были знакомы, и поэтому он хочет отомстить за Хэ Цзиньчжао?

Грязь покачала головой:

- Нет, до этого они не пересекались.

Не знакомы? Нин Вэй просто не мог этого понять.

- Согласно сведениям, которые я нашел, после смерти Хэ Цзиньчжао Лин Чэнь принял участие в съемках одного развлекательного шоу, благодаря чему обрел огромное количество поклонников. Месяц назад он взял длительный отпуск, но в итоге тайно появился в частной квартире Хэ Цзиньчжао в Ачжэя. Затем он поехал в киноакадемию, в которой учился Хэ Цзиньчжао, и принял участие в съемках студенческого фильма. И, наконец, он специально появился на твоей встрече с фанатами и, воспользовавшись игрой, бросил тебе вызов... Как ты думаешь, все это мог бы сделать обычный гример?

Нин Вэй пробормотал:

- Он явно не знал Хэ Цзиньчжао, но при этом так хорошо знаком со всем, что касается Хэ Цзиньчжао...

- Нин-Нин, я знаю, что ты умный, включи свою головку и подумай, какие еще есть варианты? - мягко подсказала грязь. - Не забывай, насколько особенна судьба Хэ Цзиньчжао. Он обычный человек, который своими силами шаг за шагом дошел до того, что имеет сейчас. Если с ним случилось что-то невероятное, в этом нет ничего удивительного.

- Ты хочешь сказать..., - Нин Вэй наконец понял и не смог сдержать восклицания: - Неужели душа Хэ Цзиньчжао вселилась в тело того гримера?!

На лишенным черт лице грязи промелькнула улыбка:

- Именно так. Хэ Цзиньчжао не только не умер, но и ради своих корыстных целей убил того гримера по имени Лин Чэнь, завладел его телом и теперь пытается вернуться на вершину, объявив тебе войну.

Нин Вэй пришел в ужас.

Он весь дрожал, зубы его не переставали стучать.

Хэ Цзиньчжао действительно не умер? Он не только не умер, но даже завладел чужим телом - более молодым и с еще более блестящими перспективами?! Нин Вэй вспомнил тот призрачный белый светящийся туман рядом с Лин Чэнем. Неужели это была душа?

Почему... Почему Хэ Цзиньчжао так везет? Тогда какая польза от судьбы, которую он с таким трудом отобрал!

- Директор Фэн, нет, дядя Фэн! - Нин Вэй почти бросился в объятия грязи, лъстя ему и пытаясь задобрить: - Дядя Фэн, ты должен помочь Нин-Нину... Разве ты не говорил, что мы в одной лодке? Я твой самый главный инструмент для зарабатывания денег. Я забрал судьбу Хэ Цзиньчжао, заменил его на месте главной звезды, и все деньги, которые я заработаю, отдам тебе!

- Хорошо, хорошо, - грязь улыбнулась, и ее тело, затянутое в сшитый на заказ костюм, затряслось. - Раз я смог убить Хэ Цзиньчжао один раз, смогу убить его и во второй.

В той отрезанной от мира горной деревне случайно погиб каскадер. Что такого, если погибнет еще и гример?

- Апчхи!

- Апчхи!!

- Апчхи!

По непонятной причине Хэ Цзиньчжао чихнул три раза подряд.

Сидевший напротив него и увлеченно евший лапшу Лин Чэнь озадаченно посмотрел на него:

- Постой, разве призраки могут простужаться?

Хэ Цзиньчжао тоже удивился. Он подпер подбородок рукой и задумался:

- Кто знает, может, кто-то обо мне думает. Например, мои преданные фанаты.

Лин Чэнь фыркнул:

- По-моему, скорее всего это Нин Вэй. Пока ты мертв, он размышляет, как бы перехватить еще пару ресурсов в свои руки.

Хэ Цзиньчжао тут же скривился:

- Не упоминай его, тошнит.

- Почему тошнит? - Заботливо спросил Лин Чэнь. - Ты что, беременный?

Хэ Цзиньчжао приподнял бровь и перехватил инициативу:

- Да, от тебя, - он погладил свой живот, и, с надеждой глядя на Лин Чэня, смущенно и робко спросил: - Не знаю, признает ли этот господин нас с малышом?

Лин Чэнь:

-

Он проклинал себя за то, что не смог удержаться и выпалил эту фразу. И вот, пожалуйста, киноимператор снова начал играть где попало.

<http://bllate.org/book/14930/1643138>